

ний существенно для общин, но эта область антропологии пока гораздо меньше разработана.) Сравнение методов работы зарубежных и отечественных (частных или государственных) компаний в России также может дать глубокое понимание, полезное для планирования устойчивого развития. Области исследования, о которых выше шла речь, наряду с углубленным анализом властных отношений и взаимодействия между гражданским обществом, правительством и промышленностью важны для теоретических и практических дискуссий в рамках возникающей "антропологии добывающей отрасли".

Перевод с английского А.А. Сириной при участии Э. Уилсон

ЭО, 2008 г., № 3

© **Н. И. Новикова**

ПРАВО НЕФТИ И ПРАВА АБОРИГЕНОВ*

В 2006 г. в Москве в Пресненском суде слушалось дело об отказе в предоставлении территорий традиционного природопользования коренным малочисленным народам Эвенкийского округа и Иркутской обл. (подробнее см.: *Новикова, Якель* 2006). В выступлении представительницы Министерства природных ресурсов, которая в этом процессе выступала от лица правительства РФ, прозвучала характерная мысль: нельзя предоставлять эти земли аборигенам, поскольку они в будущем могут понадобиться нефтяникам. Подобные высказывания мне приходилось слышать неоднократно; они кажутся большинству людей настолько очевидными, что не требуют объяснений. В современном политическом и экономическом дискурсе даже не возникает вопроса, почему все территории, на которых живут сегодня коренные народы Севера и где жили их предки веками, сегодня должны быть заняты различными промышленными предприятиями, связанными с ними дорогами, ЛЭП, "качалками", шахтами и т.п.

"Право нефти" на федеральном уровне. Взаимодействие нефтяных компаний и аборигенов происходит в рамках правового регулирования недропользования и строится на принципах совместного распоряжения недрами Российской Федерации и ее субъектов, платном пользовании недрами и лицензионном порядке предоставления недр в пользование. Вопрос о государственной собственности на недра является для Российской Федерации принципиальным (закон "О недрах", ст. 1. п. 2). Вопросы владения, пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, а защита прав граждан, в том числе коренных малочисленных народов, находится в ведении органов государственной власти субъектов федерации (закон "О недрах", ст. 4). Ввиду особой экологической опасности добычи и транспортировки нефти эти процессы регулируются также природоохранным законодательством (в первую очередь законом "Об экологической экспертизе"). Для рассматриваемых проблем также важны федеральные законы "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" и "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации".

Наталья Ивановна Новикова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; novn@orc.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (06-01-1212в) "Принципы и методы оценки этносоциального воздействия современных управленческих решений на население Севера: оценка мирового опыта и российской практики".

Исследователи отмечают, что "современное право буквально на наших глазах превращается из источника надежд на правду и справедливость в инструмент обслуживания коммерческих интересов, потребностей экономической элиты, финансовых и промышленных олигархий. Болезнь коммерциализации захватила сегодня публичное право, конституционные институты, избирательные процедуры, сферу административных отношений, связи между гражданином и государством, достигла самых высот публичной власти, но все же в публичном праве пока еще нет такой сплошной концентрации коммерческого духа, какая существует в праве частном" (Право 2002: 147).

Сложившееся положение встречает противодействие как со стороны аборигенов, имеющих по распространенным представлениям особые взгляды на распоряжение природными ресурсами, так и, согласно опросам общественного мнения, значительной части россиян (Там же: 376). Исходя из либертарно-юридического правоопонимания, возможность разрешения конфликта между нефтяными компаниями и коренными народами заключается в восстановлении формального равенства между ними. Выполнению этой задачи могут служить гарантии прав человека и развитие соуправления ресурсами. Согласование интересов сторон является сегодня уже требованием законодательства (Земельный кодекс РФ, закон "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока"). Необходимо сделать дальнейшие шаги и обеспечить провозглашенные в Конституции права коренных малочисленных народов на защиту исконной среды обитания и традиционный образ жизни.

Использование недр на всей территории Севера на основании действующего законодательства не решает в полной мере социальные проблемы коренных народов Севера и не обеспечивает экологической безопасности региона. В первом варианте Федерального закона "О недрах" (1992) была статья, по которой "при пользовании недрами в районах проживания малочисленных народов и этнических групп часть платежей, поступающих в бюджеты субъектов РФ, используется для социально-экономического развития этих народов и групп" (ст. 42). Данная статья закона не решала поставленных задач, так как в законодательстве не было определено, какие суммы и как конкретно должны расходоваться для этих целей.

При большей урегулированности прав коренных народов на земли традиционного природопользования могла бы быть использована другая статья данного закона "Условия землепользования площадей залегания полезных ископаемых": "Земельные участки, необходимые для проведения работ, связанных с геологическим изучением и использованием недр, временно или постоянно могут отчуждаться для государственных нужд с возмещением собственникам указанных земельных участков их стоимости в соответствии с земельным законодательством". Вероятно, можно было бы защитить при этом не только имущественные права, которых у аборигенов нет, но и их публичные права, связанные с особым статусом земель, входящих в территории традиционного природопользования. В любом случае, представляется целесообразным оговорить права коренных малочисленных народов и в законодательстве о недрах.

В настоящее время норма о возможности использования части рентных платежей на нужды коренных народов из закона исчезла, а полномочия между органами государственной власти перераспределены в пользу федерального центра (проект закона о недрах) (Крюков, Токарев 2005: 27). Вместе с тем полномочия по "защите интересов малочисленных народов, прав пользователей недр и интересов граждан, разрешению споров по вопросам пользования недрами" отнесены к полномочиям органов власти субъектов федерации (закон "О недрах" в редакции 2004 г., ст. 4, п. 10). Мне представляется, что государство стремится превратить уже сложившийся и действующий в некоторых регионах, в первую очередь в Ханты-Мансийском автономном округе, треугольник "власть – нефтяники – аборигены" в отношения "власть – аборигены", взяв на себя, при-

чем на федеральном уровне, полномочия по урегулированию отношений с недропользователями.

В большей степени прописаны рассматриваемые вопросы в Федеральном законе "О соглашениях о разделе продукции" (1995). Однако данный закон регулирует отношения, возникающие лишь при включении рассматриваемого участка недр в перечень, обоснованный правительством. Он предполагает, что участок недр, расположенный на территории традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, выделяется по решению законодательного органа субъекта РФ, принятого с учетом интересов коренных малочисленных народов. При этом предусматривается выплата соответствующих компенсаций, а в качестве условия выполнения работ предполагается, что "инвестор обязан принимать предусмотренные законодательством РФ меры по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, а также обеспечивать выплату соответствующих компенсаций в случаях и в порядке, которые установлены Правительством РФ" (ст. 2, 6, 7). К сожалению, в законе "О недрах" этот вопрос прописан не так подробно.

Согласно п. 3 ст. 7 этого закона "при выполнении работ по соглашению на объектах, расположенных на территориях традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, инвестор обязан принимать предусмотренные законодательством Российской Федерации меры по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, а также обеспечивать выплату соответствующих компенсаций в случаях и порядке, которые установлены Правительством Российской Федерации". Правда, правительство еще не сказало своего слова в этом вопросе, нет единого для страны порядка взаимодействия промышленных компаний и коренных народов.

Региональные практики. В этой статье, опираясь на методы юридической антропологии, я сравниваю проблему взаимодействия коренных народов, нефтяных компаний и органов власти в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) с ситуациями в Сахалинской обл. и Северо-Западных территориях Канады. ХМАО по праву считается пионером в решении этого вопроса, но и здесь взаимодействие коренных народов и нефтяных компаний часто приобретает конфликтную форму. Многие территории традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов были заняты нефтяным освоением до принятия законов, защищающих права этих народов. Значительная их часть оказалась занятой промышленными объектами, что, закрепляя приоритет прав на определенные участки этих территорий нефтяников, уже препятствует установлению равных отношений. В то же время, в такого рода ситуациях, согласно нормам и принципам международного и национального права, гарантируются права именно коренных малочисленных народов. Возможно, более конструктивным было бы все же рассмотрение этих вопросов с точки зрения прав человека. Ведь закрепление коллективных прав в российском законодательстве является не самоцелью. Речь, однако, идет о том, что индивидуальные права аборигенов часто могут быть защищены только через их коллективные права, в первую очередь на территории традиционного природопользования. Использование же этих территорий другими природопользователями ни в коем случае не должно ущемлять конституционные права коренных малочисленных народов.

Изучение ситуации в ХМАО демонстрирует определенный прогресс в этой сфере, хотя и показывает существование проблем и конфликтных ситуаций. Здесь сложилась такая ситуация, что именно благодаря нефтяникам был закреплен особый правовой статус аборигенов. Принятие законов, регламентирующих отношения в сфере недропользования, было продиктовано необходимостью защитить интересы недропользователей, а уже потом – коренных народов. В конце 1990-х годов, когда в Сургутском р-не была приостановлена выдача документов на родовые угодья (государственно-правовое закрепление прав аборигенов), единственным юридическим документом, под-

тверждающим существование аборигенов на их землях, стали экономические соглашения с нефтяниками. Аборигены говорили мне: "Раз они заключили с нами соглашение, значит, они нас признают". "Признание" со стороны нефтяников воспринимается ими как более важное, чем государственно-правовое. Заслуживающим внимания экспериментом стал особый режим недропользования на некоторых месторождениях, где нефтяники и аборигены взаимодействуют особенно тесно. Сами аборигены часто предлагают в качестве правового механизма разрешения конфликта проведение экологической и этнологической экспертизы, как, например, жители пос. Нумто, которые написали об этом в письме губернатору округа летом 2007 г.

Конечно, огромную роль сыграло движение коренных народов в защиту своих прав, начавшееся в конце 1980-х годов. На волне перестройки удалось принять "Положение о статусе родовых угодий" (1992 г.), которое закрепило права аборигенов на землю.

В ХМАО сложилась уже определенная правовая база взаимоотношений между нефтедобывающими корпорациями и представителями коренных народов, причем можно отметить, что в этом смысле округ опередил другие субъекты федерации, в которых проживают коренные малочисленные народы Севера. Представители ХМАО еще 10 лет назад предлагали российскому правительству придать крупнейшему нефтедобывающему региону статус экспериментального "полигона", предназначенного для выработки нормативных документов по недропользованию, до появления федерального законодательства по этому вопросу (*Вереземский* 1995: 17–19).

Вопросы правового регулирования недропользования остаются для аборигенов наиболее острыми и болезненными. В принятом в 1996 г. законе ХМАО "О недропользовании" было провозглашено: "Пользование недрами должно осуществляться в интересах всех народов Российской Федерации, населения автономного округа с учетом обеспечения экологической безопасности, сохранения окружающей природной среды и традиционного уклада жизни малочисленных народов Севера" (Статус 2005: 300, ст. 3).

Изучение опыта ХМАО в этой сфере показывает, что принцип совместного ведения, провозглашенный в Конституции, является очень важным. Органы власти субъекта федерации оказываются в большей степени знакомыми с проблемами коренных народов, но они же бывают заинтересованы в работе нефтяных компаний на своей территории, и в этом вопросе коренные народы могут апеллировать к центру как гаранту прав человека. Кроме того, излишняя централизация, о которой свидетельствует эволюция законодательства после 2004 г., может лишить власть "знания жизни".

В законе "Об изъятии и предоставлении земельных участков на территории Ханты-Мансийского автономного округа" (2000) предусматривается согласование условий технических проектов промышленной разработки месторождений с владельцем родового угодья, причем в случае, если согласие не будет достигнуто, окончательное решение принимается правительством округа; за владельцем родового угодья остается право обжаловать такое решение в суде (ст. 28). Этим законом предусматривается также заключение договора недропользователя с владельцем родовых угодий¹².

Практика договорных отношений в округе увязана с вектором развития отношений между представителями коренных народов и нефтяными компаниями. За годы промышленного развития в ХМАО накопилось много претензий, в первую очередь связанных с невыполнением соглашений нефтяными компаниями, а для многих хантов и ненцев последние представляют важным источником пополнения семейного бюджета. Именно экономическая составляющая данных отношений является сегодня определяющей. Эти отношения могут измениться в связи с принятием в декабре 2006 г. нового закона "О территориях традиционного природопользования регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре". Здесь не место давать полную характеристику этого закона, остановлюсь лишь на одном его положении – содержании ст. 12 "Осуществление деятельности в границах территорий традиционного природопользования лицами, не являющимися субъектами права традиционного природопользования".

В ней определяются требования к такой деятельности и необходимость ее согласования с субъектами этого права. Последнее понятие является новым для законодательства, но фактически оно отличается от общепринятого определения "коренные малочисленные народы Севера" лишь тем, что определяет лиц и общины, для которых были образованы родовые угодья и сведения о которых включены в Реестр территорий традиционного природопользования (ст. 1 цитируемого закона).

Провозглашенный принцип обязательного согласования предполагает даже такую ситуацию, когда "при отрицательном согласовании схемы размещения объектов, либо отказе в ее согласовании субъектами права традиционного природопользования варианты месторасположения и условия размещения промышленных и иных сопутствующих объектов рассматриваются Комиссией по вопросам территорий традиционного природопользования, которая готовит соответствующие рекомендации Правительству автономного округа. Правительство автономного округа с учетом рекомендаций Комиссии может принять решение о согласовании либо об отказе в согласовании схемы размещения объектов в границах территории традиционного природопользования" (ст. 12, п. 4).

В настоящее время многие видят причину проблем, вызванных нефтяным освоением, в несовершенстве законодательства и, как следствие, в недостаточных поступлениях в бюджет. Этот вопрос имеет несколько аспектов. В отчете Счетной палаты "Влияние нефтяного комплекса на формирование федерального бюджета РФ" по итогам 1990-х годов (утвержден коллегией палаты в декабре 2002 г.) указывается: "Нефтегазовый комплекс является главным источником налоговых (около 42% доходов федерального бюджета) и валютных (около 46%) поступлений государства, при том, что на его долю приходится около 12% всего промышленного производства России. Бюджетное финансирование нефтяной промышленности практически равно нулю. 90% инвестиций в развитие отрасли – собственные средства компаний. Но несмотря на хорошую ситуацию с налоговой дисциплиной и повышение инвестиционной активности компаний, недостатки действующего законодательства не только наносят ущерб отрасли, но и снижают поступления в бюджет" (Нефтяное соло 2002: 12–15). Налоговая политика не устраивает многих нефтяников, об этом можно судить и по высказываниям "первых лиц" в печати, и по мнениям простых работников на месторождениях.

Существенную роль в процессе регулирования отношений между нефтяниками и абorigенами играют международные нормы, правда, это касается лишь иностранных (чаще всего международных) компаний, а также тех российских компаний, которые работают на займы международных банков. В политике Всемирного Банка принципы взаимодействия с коренными народами зафиксированы четко. В последнее время аналогичные документы вырабатываются и в Европейском банке реконструкции и развития. Необходимо отметить, что согласно этим принципам требуется информированное участие коренных народов в процессе промышленного освоения. Одно из требований Всемирного Банка – составление плана содействия коренным малочисленным народам и выполнение определенных программ. Мне пришлось участвовать в работе группы экспертов (руководитель группы – В.А. Тишков) по анализу такой деятельности компании "Сахалинэнерджи" на Сахалине в декабре 2006 г. К положительным элементам плана было отнесено то, что он способствовал росту активности коренных народов, усилению их самоорганизации. Общим недостатком плана – сужение сферы действия правовой базы, существующей в Российской Федерации. Юристы компании, участвующие в работе над планом содействия, рассматривали лишь отдельные нормы международного и национального права, а не целостный подход, провозглашенный в Конституции РФ. Мы могли наблюдать общую "болезнь" экспертов, работающих по заданию компаний. "Технократическая структура требует, чтобы юрист в совершенстве знал нормы и процедуры, с которыми непосредственно имеет дело. От юриста она не ждет ничего другого, кроме безупречности и эффективности его услуг. Чтобы соответствовать этим требованиям,

юрист вынужден применять свои знания во все более узкой сфере практики, превращаться в заурядного профессионала – технолога, иногда, впрочем, высокооплачиваемого" (Право 2002: 147).

К процессу действительного соучастия в работе компаний аборигены чаще всего не готовы, не хватает нужного образования, а что более важно – самоорганизации, осознания общих целей и воли к их достижению. Российские аборигены сегодня находятся в процессе становления в качестве активной политической силы. В этом смысле представляет большой интерес опыт северных канадских территорий. По планируемому проекту газопровода в долине р. Маккензи переговоры ведутся уже в течение десятков лет. С 2006 г. проходят общественные слушания. Мне удалось присутствовать на обсуждениях, которые проходили в октябре 2006 г. в г. Инувике¹³. Несколько организаций коренных народов Канады учредили Объединенный секретариат, который активно участвует в слушаниях. Они проводятся во всех населенных пунктах, где живут аборигены, а кроме того, переводятся на пять языков и транслируются по радио в отдаленные поселки и на стойбища. Меня поразила тщательность обсуждения и понимание социальных и экологических последствий планируемых работ для каждого человека, занимающегося традиционным природопользованием или желающего перейти на работу в промышленную компанию. А в случае, если такого понимания не было, в дискуссию вступали адвокаты, работающие с общинами. При этом нужно сказать, что многие проблемы, связанные с возможным промышленным развитием их территорий, сами инувиалуты и гвитаины, с которыми мне удалось поговорить, считают неразрешимыми. Их отношения с компаниями приобретают подчас драматический и даже трагический характер. Так, в одном интервью я записала историю женщины, которая решила работать в компании и не выступать резко против ее деятельности после того, как ее сын покончил жизнь самоубийством из-за невозможности найти работу в Инувике и содержать свою семью.

Одним из выходов из сложившейся ситуации консорциум компаний считает обеспечение занятости. Еще не заработал проект газопровода в долине Маккензи, а уже проведена большая подготовительная работа, в колледже существует специальная образовательная программа по подготовке необходимых для промышленных компаний работников, причем работа ведется гибко, готовят различных специалистов. Обучаются люди любого возраста, преподаватели выезжают непосредственно в общины, обучение занимает период от нескольких недель до нескольких лет. Консорциум компаний в качестве основной задачи выдвигает обеспечение занятости коренного населения. Существует четкий план, определены необходимые трудовые вакансии и пути подготовки кадров. Кроме того, в 2000 г. создана Аборигенная группа по наблюдению за газопроводом (Aboriginal Pipeline Group – APG), которая представляет интересы аборигенов и в 2003 г. стала партнером проекта газопровода, причем доходы от добычи газа будут распределяться следующим образом: APG – 33,3%, компании "Imperial Oil" – 34,4, "Conoco-Phillips Canada" – 15,7, "Shell Canada" – 11,4, "Exxon Mobil Canada" – 5,2%. Сейчас трудно судить, как будут развиваться события в реальности. Сами аборигены высказываются как за развитие промышленности в Арктике, так и против него, но очевидно, что они уже сегодня участвуют в процессе соуправления ресурсами, хотя это и не означает, что их социально-экономические и культурные запросы полностью удовлетворены, а проблемы решены.

Экологическая составляющая взаимоотношений аборигенов и нефтяников. Я не рассматриваю экологию абстрактно, но в связи с отношениями в треугольнике "власть – нефть – аборигены". Право на благоприятную экологическую среду стало рассматриваться как самостоятельная проблема на международном уровне лишь в 1972 г. на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде. Стокгольмская декларация провозгласила: "Человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь, и несет главную ответственность за охрану и улучшение окру-

жающей среды на благо нынешнего и будущих поколений" (Права 2002: 50). В России значимость этих прав подчеркивается специальными конституционными гарантиями (ст. 42 и 58) и принятием в 1990-е годы ряда законов, определивших экологические права. Под последними понимаются "признанные и закрепленные в законодательстве права индивида, обеспечивающие удовлетворение разнообразных потребностей человека при взаимодействии с природой". В системе этих прав выделяют права на природопользование (Права 2002: 56–57). Я фокусирую внимание именно на этой составляющей экологических прав, оставляя в стороне весь спектр других прав на благоприятную окружающую среду.

В настоящее время все больший вес в общественном сознании приобретают экологические проблемы, связанные с загрязнением Арктики и шире – районов Севера и выводом из традиционного природопользования значительных территорий оленьих пастбищ и промысловых угодий. В Нуукской декларации об охране окружающей среды в Арктике, подписанной в 1993 г. министрами по защите окружающей среды ряда стран, в том числе и Россией, особо отмечается, что для "достижения устойчивого развития охрана окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться независимо от него" (Нуук 2000: 88).

В действительности, как мне кажется, сегодня основное внимание уделяется тому, чтобы воздействовать на нефтяников штрафными санкциями, т.е. процесс развития идет параллельно штрафам за нарушения; в политике и в общественном мнении утверждается представление о том, что развитие нефтяной отрасли может быть только аварийным. Экспертами наиболее влиятельных экологических организаций России были разработаны "Совместные экологические требования общественных природоохранных организаций к нефтегазовым компаниям", в которых подчеркивается "презумпция потенциальной экологической опасности деятельности компаний". В этом документе также отмечается, что в "местах традиционного проживания, хозяйственной деятельности, расположения объектов историко-культурного и духовного наследия коренных малочисленных народов компания осуществляет свою деятельность при условии обязательного согласования мест реализации проекта с вышеперечисленными группами, проведения этнологической экспертизы намечаемой деятельности и учета ее результатов, соблюдения особого режима ведения деятельности, обеспечивающего сохранение исконной среды обитания и традиционного природопользования коренных малочисленных народов и приравненных к ним этнических общностей".

В нефтяных компаниях связь между экологией и коренными народами определяется довольно своеобразно. Например, в "ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь" отделы, имеющие дело с аборигенами, называются отделами "по коррозии труб и работе с коренными малочисленными народами". В 1990-е годы в ХМАО проводилось широкое экологическое исследование, материалы которого были опубликованы в 1997 г. В этой работе, выполненной большим коллективом авторов, предложена методика оценки эколого-экономического ущерба окружающей среде, причем авторы предлагают разделить всю территорию округа на открытую и закрытую для антропогенного воздействия. В этой работе подчеркивается сложность рекультивации загрязненных нефтью земель и отмечается, что нефть попадает в окружающую среду как по чисто технологическим причинам, так и в результате аварий на внутрипромысловых и магистральных трубопроводах (Экология 1997: 193, 232). Одна из основных причин загрязнения окружающей среды – прорывы труб. Приведу отрывок из интервью с В. Фомичем, бывшим строителем трубопроводов, впоследствии председателем Нефтеюганского городского совета:

Трубопроводы? Да всегда они рвались. И нефть всегда проливалась. Не стройте иллюзий: и нынешние строители трубопроводов не стали "друзьями природы". Хаять их и их труд не следует, нелепо тех же сварщиков изображать злодеями: они, кстати, как правило, старались удержать качество сварки в пределах ГОСТов, да удавалось не всегда. Сами трубы как шли, так и идут низкокачественные. В итоге – рвутся, проливается нефть. Ее, как и в мои времена,

присыпают песком, чтобы какая-нибудь экологическая комиссия не придралась. А нефть-то под песком остается, ей на разложение десятки лет нужны. Так что у нас на месторождениях луж и озер нефти хватает... Решаема ли проблема с авариями на трубопроводах? В принципе, да, при соблюдении трех "если". Если труба соответствует ГОСТу. Если сварка без отступления от технологии. Если, наконец, трубопровод правильно подобран по диаметру (*Казаков 1993: 177–178*).

Как видим, требования не такие уж сложные. Одной из причин невнимания к качеству труб являлись низкие цены на нефть (*Славкина 2002: 176–177*). Такое положение приводило к тому, что аварии на трубопроводах воспринимались как неизбежность. Основная причина порывов трубопроводов – коррозия. Во многих интервью, которые я записывала как у инженеров-нефтяников, так и руководителей нефтяной отрасли различного уровня и в Москве и в Ханты-Мансийске, указывалось, что порывы труб неизбежны. В законодательстве этот взгляд нашел отражение в юридически закрепленной потенциальной экологической опасности нефтяной промышленности. Это положение приобрело императивную форму. В современных условиях, когда цены на нефть сохраняются на очень высоком уровне, ситуация с порывами труб вызывает еще больше вопросов. Мне часто приходилось слышать и от аборигенов, что их возмущает в первую очередь не просто нефтедобыча, а ее варварский, природоразрушительный характер. Экологи-юристы также отмечают, что "существенным дефектом экологического законодательства (прежде всего о недрах) является отсутствие в нем требований о нормировании использования (добычи) ресурсов недр, что ведет к их истощению из-за чрезмерной эксплуатации в последние десятилетия" (*Права 2002: 60*).

В настоящее время в нефтяных компаниях делается ставка на специальную подготовку сотрудников для работы в нефтяной отрасли, большинство из которых имеют высшее или среднее специальное образование. Сами нефтяники, особенно руководители – начальники цехов, инженеры – отмечают, что культура труда и экологическое сознание, по сравнению с вахтовиками, выше у тех, кто постоянно живет и работает на Севере.

Западная Сибирь – не единственный регион, где нефтяное освоение становится основанием и генератором социальных и культурных конфликтов (*Тишков 2001: 219*). Являясь одним из образов прекрасной жизни, "как в Кувейте", нефть одновременно и создает основу благосостояния, и разрушает привычный мир. По социологическим опросам 2001 г. в массовом сознании нефтяная отрасль – императив прогресса России. При этом "позитивные черты имиджа уходят корнями в советский период истории. За время рыночных преобразований положительные стереотипы не разрушились, но дополнились отрицательными... Вес, который имеют на международной арене страны-производители нефти, до известной степени скрашивает российским гражданам горечь ностальгии по былому имперскому могуществу СССР" (*Лукьяненко 2002: 70–71*). Такое отношение населения, безусловно, способствует укреплению даже не столько реальных позиций нефтяных компаний в обществе, сколько сконструированному ими социальному значению о их роли.

* * *

Взаимодействие нефтяных компаний и коренных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе развивается как конфликтное. Но уже более 10 лет предпринимаются попытки установить социальное партнерство между государством, бизнесом и общественными организациями коренных народов. В идеале оно может рассматриваться как «конструктивное взаимодействие организаций трех секторов для решения социальных проблем, "выгодное" каждой из сторон и в отдельности, и населению территории, где оно реализуется, в целом» (*Никовская, Якимец 2003: 98*). Аборигенам в их отношениях с нефтяными компаниями пока не удалось достичь паритета интересов. Заключаемые сегодня экономические соглашения – скорее знаки временных альянсов, в

которых нефтяные компании, как они считают, выполняют навязанную им социальную функцию. Арктическая политика в отношении коренных народов все больше превращается в систему юридической защиты прав нефтедобывающих компаний. Нефтяники остаются выразителями "государственного интереса", аборигены – "государственно охраняемым памятником культуры". А в Интернете провозглашается миссия компании "ЛУКОЙЛ": "Мы созданы, чтобы энергию природных ресурсов обратить во благо человека, способствовать в регионах деятельности Компании долгосрочному экономическому росту, социальной стабильности, содействовать процветанию и прогрессу, обеспечивать сохранение благоприятной окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, обеспечить стабильный и долгосрочный рост бизнеса, трансформировать ЛУКОЙЛ в лидирующую мировую энергетическую компанию. Быть надежным поставщиком углеводородных ресурсов на глобальном рынке энергопотребления" (www.lukoil.ru).

Ситуация в ХМАО показывает, почему аборигены опасаются прихода нефтяников на их земли. Нефтедобыча не приводит к развитию аборигенного сообщества; в лучшем случае она ведет к консервации, в худшем – к ассимиляции. Именно поэтому, вероятно, те аборигены, которые сегодня успешно занимаются традиционным природопользованием, не хотят и боятся промышленного освоения на своих территориях, хотя некоторые и отмечают, что для развития материальной базы хозяйств они используют финансовые и материальные возможности, которые получают в рамках экономических соглашений от нефтяных компаний. Для Российской Федерации вопросы аборигенного соуправления ресурсами остаются актуальными и далекими от разрешения. Опыт взаимодействия между коренными народами и международными компаниями представляет для нас большой интерес, так как показывает, что даже одни и те же компании могут по-разному вести себя в зависимости от требований законодательства страны, где они работают, и уровня самоорганизации этих народов.

ЭО, 2008 г., № 3

© Т. П. Роон

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О САХАЛИНЕ И ЕГО ЖИТЕЛЯХ
В СВЕТЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
ДОБЫЧИ УГЛЕВОДОРОДОВ НА ШЕЛЬФЕ
ОХОТСКОГО МОРЯ**

(к вопросу об этнологической экспертизе)

Из недавней истории. Промышленная добыча нефти на северо-востоке Сахалина началась в 1920-е годы. Развитие нефтяной отрасли в советское время оказало значительное влияние на экономику Сахалина, формирование постоянного населения на острове, в результате чего были образованы Ногликский и Охинский административный районы. В период социализма произошла своеобразная адаптация коренного населения к соседству с нефтегазовыми наземными объектами. В 1960–1980-е годы появились этнически смешанные крупные поселения, в которых жили рабочие – буровики, транспортники, обслуживающий персонал. Коренные народы подверглись значительному воздействию (Роон 1997, 2002). Изменения происходили в рамках колхозов и совхо-